

★ ГРЮНДИГ ★

18+

С.Д. Карпузов

Сергей Картузов Грюндиг

<https://litres.ru/74684083>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дорогие друзья! Представляю вам книгу о жизни в прошлом и настоящем, основанную на моих открытиях и познании Бога, людей и нашего бытия. Я описал всё лаконично, чтобы не утомить вас лишним, но пробудить интерес к старому и новому времени. Вспомнить достойных людей, испугаться страшных темных сил (шучу) и посмеяться над жизненными историями. Верю, что мой труд окажется для кого-то полезным. Книга состоит из 13 глав и порядок их специально хаотичен.

Сергей Картузов

Грюндиг

Книга Грюндиг

Глава 1. День знаний

Зачем нам память? Наверное, чтобы увидеть то, что с нами уже давно приключилось, и сделать нужные выводы, а может, просто насладиться тем самым прошедшим моментом. В последнее время всё чаще вспоминается время «застоя»: мир (не считая войны в Афганистане), стабильность, дефицит, но только на предметы роскоши (шутка), бесплатное образование, жильё и медицина... Но перемены впереди. Удивительно, что через каких-то десять лет всё начнёт стремительно меняться, а пока мы с юношеской, простой и светлой надеждой смотрим вперёд.

Свежее осеннее утро врывается в комнату. Букет цветов на столе, чай в чашке, бутерброд на тарелке. Мама спешит, поторапливает. Но меня не надо торопить, я приучен к дисциплине. Кто приучал — уже не помню, а может, сознание просто стёрло неприятные моменты.

Жуя колбасу за 2 рубля 20 копеек на хлебушке за 25 копеек, смотрю на горячий индийский чай со слоном высшего сорта, который надо как-то в себя залить, и слушаю раскаты задорной песни, грохочущей с улицы: «Учат в школе, учат в

школе, учат в школе...».

Школа новая, только построенная. Три этажа, отдельная столовая с физкультурным залом. Большое футбольное поле рядом на горке, а кругом — жёлтые девятиэтажные и синеголубые шестнадцатиэтажные дома.

Первоклашки волнуются — красивые, наглаженные. Форма специальная: у мальчиков синие костюмчики, у девочек коричневые платья с белыми фартуками. В руках цветы — пионы и хризантемы. Удивительно, но роз в то время я не замечал. Может, это был дефицит под праздник либо они были дороговаты для школьного торжества.

Музыка замолкает, и на первый план выходит директор школы. Серьёзная такая тётя, строгая, лицо как из политбюро, в глазах гром и молнии — сейчас таких нет, но, может, и не надо в наше время. Закончив короткую и громогласную речь, она передаёт бразды командования заведующей учебной частью, попросту — завучу. А мы стоим как замороженные и смотрим на классного руководителя. Плотная женщина в огромных очках почти внушает доверие. Идем в свой класс.

Раздевалка практически вычеркнута из памяти. Вероятно, в этом виновата постоянная неразбериха в ней: кто куда повесил вещи и на кого, все шумят, кричат, что-то пропало. Жуть и хаос, одним словом. Помню только мешок со сменной обувью — грозное оружие в умелых руках, почти боевая булава.

Первоклашки традиционно размещались на втором этаже, и класс рядом с туалетом для мальчиков был фактически зоной относительной безопасности, так как коридор напоминал химическую колбу, в которой неминуемо произойдёт взрыв. Кто-то бежал как спринтер, играя в салочки, кто-то прыгал через резиночку, а бои верхом друг на друге были хлеще Ледового побоища, правда, скоротечны — до первого учителя. Но главное — чтобы никто не раздобыл вьетнамскую мазь «Звёздочка», ибо тогда перемена превращалась в сущий кошмар с невыветривающимся запахом и плачущими детьми, которым не удалось спрятать глаза от измазанных мазью рук сотоварищей.

«Зоной отчуждения» был третий этаж, так как там водились «слоны» и «гиганты». Попасть туда означало быть растерзанным, как антилопа крокодилами, ибо смысл песни со словами «Малышей не обижать. Учат в школе, учат в школе...» понимали не все. Конечно, это не относилось ко всем старшеклассникам поголовно, но к большей их части — точно.

Первый урок короткий, как и весь «праздничный» день. Учитель рассказывает об основах введения в учебную жизнь, о мире во всём мире, о добре и порядке. Раздают новые книги — буквари и прописи. Какие же они были красивые и понятные! Сейчас бы сказали — адаптивные и функциональные. В букваре каждой букве посвящалась отдельная глава, а «большой» текст почти на всю страницу завершал эту удиви-

тельную книгу. Изучил, прочёл текст без запинки — и считай, освоил материал. Но главное — всё новое, всё бесплатное, и завтраки с обедами тоже, при этом в школе была полноценная столовая со штатом поваров. Жаль, не ценили тогда. В целом — прекрасно! Бесплатное образование и питание, минимум трат на одежду, четыре урока в день. Однако в субботу тоже учились, но, как правило, два урока в субботу были уроками по физической культуре, она же Физра.

Нельзя не сказать и про документы учёта — журнал и дневник. Журнал был неприкасаем и всегда находился при учителе, а дневник первоклашки больше служил для расписания уроков, домашних заданий и отдельных пометок учителя по поводу поведения.

Закончив свой первый «трудовой» день, спешим по дороге домой, делясь впечатлениями со встречающими мамами и бабушками. Родители накрывали торжественный обед: суп, салат, арбуз, торт; стирали то, что нужно отстирать, и готовили нас к началу нового периода жизни. Это ещё не взрослая жизнь, но уже и не детский сад. Десять лет школы, казалось, будут бесконечны. Сколько приключений было, сколько новых познаний, друзей и подруг, радости и разочарований, надежд и целей! Каникулы были осенью, зимой, весной, а летом — аж три месяца. Кайф! И первые кружки, и хор, и спорт — всё было. Жаль только одного: не было индивидуального подхода к школьнику. Можно было пристальней посмотреть за каждым, выявлять его таланты и направлять по

этому пути. Сколько бы Кулибиных, Менделеевых и Пировых получила бы страна! Но это непростая работа, и проще было всё пустить на самотёк.

Глава 2. Люди Бога

(Посвящается хирургу Евгении Сергеевне, Сергею Анатольевичу, врачам и сёстрам стационара на Яузе)

Не раз вспоминал старый ещё советской эпохи мультфильм «Ёжик в тумане», созданный на основе сказки Сергея Григорьевича Козлова. Особенно момент, где Ёжик, не обращая внимания на болтовню своего друга Медвежонка, думает о Лошади: «Как она там, в тумане?». И ему неважно, что он мог бы утонуть, если бы его не спасли, и что рядом друг, и их ждёт тёплый чай с вареньем, и что он только что прошёл ночной лес, полный загадок и страха. Главная мысль в его голове: «Лошадь — как она там, в тумане?».

Столкнувшись с больницей и её миром, буквально кожей понимаешь, что эта работа требует невероятного мужества, хладнокровия и смелости брать на себя ответственность за чужие жизни. Она неразрывно связана с жизнью и смертью, стонами и воплями, кровью и лекарствами, а ещё — с ожиданием лучшего.

С раннего утра и до двух часов дня, а то и дольше, идут сложные операции. И только когда читаешь эпикриз, особенно маленькими буквами: «Риск летального исхода: высо-

кий», реально осознаёшь, как всё это хрупко и ценно. Далее идёт оформление всего произведённого за день в отчётах, осмотр давно прооперированных и тех, кто только поступил из реанимации, выдача назначений и тем, и другим, консультации с ожидающими операции... Всё это требует невероятной, я бы сказал, нечеловеческой мотивации, сил и духа.

Представив себя на месте этих врачей, понимаю: я так не смогу. Не смогу выдержать даже самой этой атмосферы! Пытаясь понять природу такой мотивации, я спросил первого попавшегося врача, спускавшегося на лифте с девятого этажа, где находятся операционная и отделение реанимации:

— Как вы можете делать это каждый день?

Врач устало, но с улыбкой посмотрел на меня:

— Не каждый день — всю жизнь.

— Наверное, вы очень любите людей? — продолжаю я.

Врач снова улыбнулся:

— Ну, я бы так не сказал.

— Но как же так? Разве можно выбрать такую работу и не любить людей? — не унимался я.

— Да, наверное... Просто хотел помогать людям, — задумавшись, ответил врач.

Лифт прибыл на первый этаж, и мы, пожелав друг другу хорошего вечера, разошлись своими дорогами.

Выйдя из больницы и сев в первую идущую от Яузы электричку, я долго размышлял об этом. Получается, человек может даже не осознавать, что любит людей, но по делам его

выходит, что любит. Да, защита у каждого своя. Кто-то становится строгим, как камень, а кто-то постоянно юморит. Помнится, уже во время восстановления в отделении терапии был случай, когда врач заходит к больным в палату и прямо с порога:

— Иван Петрович, а что это мы филоним?! У нас гемоглобин сорок три! Можно в космос запускать!

А Иван Петрович — больной неходячий, его сиделка на коляске возила. Он только и смог ответить:

— А что я... Я вот...

Но, конечно, расцвёл, голубчик. Врач-то — женщина, и к тому же модельной внешности. Лет бы пятьдесят Ивану Петровичу скинуть, и он бы за ней и на турниры, и серенады петь.

Пациенты, конечно, тоже отжигали. Одна бабушка после сложнейшей операции по удалению части кишечника на третий день после возвращения в палату из реанимации, услышав буфетчицу, разносившую обеды, попросила озвучить меню. Выбрав себе самое интересное, она получила вежливый ответ:

— А вам сейчас только воду можно, а через пару дней вазелиновое масло.

Приехал домой, умылся, поел и лёг спать. Ночью проснулся, и только одна мысль в голове: «Такие врачи — это люди Бога. Они даже выше первосвященников, а я просто ничто по своим делам и пользе». Хотя сами они этого даже не осо-

знают и, скорее всего, не задумываются об этом. Поразительно, как просто и в то же время скрыто это устройство мира! Видимо, не зря само понятие «скрыто» непосредственно связано с одним из величайших Имён Бога — Скрывающий, Хвала и Слава Ему. Я долго не мог понять, почему Скрывающий — такое Великое Имя, пока не услышал один старинный рассказ.

Во времена пророка Моисея (Моше у израильтян, Муса у мусульман), мир ему и благословение, перестал идти дождь. Люди начали страдать от нужды и обратились к пророку со словами:

— Ты напрямую говоришь с Богом, попроси Его о дожде. Когда пророк спросил об этом, Бог ему ответил:

— Среди твоего народа есть человек, который сорок лет грешит и ни разу Мне не покался. Пусть он уйдёт, тогда Я пошлю дождь.

Пророк пошёл к народу и попросил, чтобы тот, кто грешил сорок лет и ни разу не покался Богу, покинул лагерь. Люди стоят, и никто не уходит, но вдруг с неба начинают падать капли дождя. Все удивляются: никто не ушёл, а дождь пошёл!

Пророку тоже стало интересно, почему так произошло, и он спросил Бога об этом. Бог ему ответил:

— Мой раб произнёс такое искреннее раскаяние, что Я, конечно же, простил его.

Тогда пророку захотелось узнать, кто же этот человек, и

он снова спросил Бога.

Бог ответил:

— Я не раскрыл его, когда он был грешником. Неужели ты думаешь, что Я раскрою его сейчас, когда он раскаялся?

Воистину, наш Создатель Велик и Совершенен!

Хвала и слава Богу, всё прошло, всё разрешилось, всё позади, и сознание пытается скрыть детали, заставить забыть это тяжелейшее время. Но теперь в этой мирской, простой и сладкой суете нет-нет да и промелькнёт в моей голове мысль: «Как они там, эти люди Бога?».

Глава 3. Со спортом по жизни

Начало восьмидесятых годов было порой огромного количества бесплатных и разнообразных секций и кружков. Чего у нас только не было! И плавание в Олимпийской деревне, и вольная борьба, и биатлон, и пятиборье — всего не перечесть. Достаточно было успеть записаться до заполнения группы, а в некоторых случаях (как, например, с плаванием) ещё и принести справку от врача, что не страдаешь кожными заболеваниями, — и, считай, зачислен.

В некоторых секциях для продолжения тренировок проходил отбор. В Олимпийской деревне в конце месяца тренер смотрел заплыв учеников и говорил, кто из них может остаться. Жаль, но я заболел тогда и не смог присутствовать на контрольном заплыве, а так как изначально особых дан-

ных не имел (роста и тому подобного), со мной никто и не связался. Хотя как связаться-то? Мобильных телефонов тогда не было, да и городские стояли далеко не у всех. Наверное, надо было самому ехать, разговаривать, интересоваться, но мал был и глуп.

А вот вольную борьбу и лёгкую атлетику можно было продолжать без контрольного отбора. Конечно, это были не сборные команды, а просто любители от подведомственных предприятий (заводов) и ДОСААФ. Но если подопечный подавал большие надежды, то можно было рассчитывать на переход уровнем выше — в спортшколу либо серьёзный клуб («ЦСКА», «СКА», «Динамо», «Торпедо», «Крылья Советов», «Трудовые резервы» и многие другие).

Не каждый был талантлив настолько, чтобы продолжать свой рост в спорте, а порой ты просто понимал, что этот спорт не твой — ну, просто не твой. К примеру, вольная борьба — серьёзный и мужественный вид единоборства, требующий сил, воли и особого мышления, но есть нюанс. В процессе борьбы все спортсмены потеют, и это не парфюм от Диор, увы, а контакт был полный: тело на тело, проход в ноги и тому подобное. Можете себе представить: соперника нужно побороть, хватая его плотными захватами, удерживать своим телом, и всё это в поту и достаточно жёстко.

Ни подарки моих «хитрых» родителей в виде фирменных лёгких ботинок с гибкой подошвой (борцовок), ни упрёки — вот, мол, сдался, слабак — не могли перебороть мою брезг-

ливость. Она победила чистым туше на обе лопатки.

А вот биатлон подкупил возможностью бесплатно три раза в неделю стрелять в тире из малокалиберной винтовки (ТОЗ-8 и ТОЗ-12) почти по полпачки патронов (25 штук) и халявным купанием в бассейне спорткомплекса. Последнее не входило в эту прекрасную дисциплину, но тренер, видимо, имел выходы на всех администраторов данного заведения.

Попал я туда через предприятие, на котором работала моя мама. Всё, что нужно было сделать, — это поговорить с тренером и заполнить анкету. На вопрос в анкете о цели занятий тренер подсказал:

— Напиши: «Чтобы лучше подготовиться к армии».

Режим тренировок был стандартным: понедельник, среда и пятница по вечерам. Зимой ещё по выходным добавлялись соревнования. Бегать, конечно, никто не любил, и старшие старались спрятаться за бугром, пока молодёжь вроде меня «нарезала» круги. Немного скрашивало тренировки то, что зимой нам выдали пластиковые лыжи. На фоне тяжёлых деревянных, с которыми бегали сверстники в школе, это было что-то невообразимое. Они были лёгкие и быстрые. Надо было только подобрать пластиковые палки чуть выше плеча, правильно намазать поверхность под ступнёй, и всё — лыжи не так сильно проскальзывали назад, а их вес просто не мог не радовать. Бежать «коньком» было просто космос. Такой скорости на лыжах я больше не припомню.

Всё закончилось неожиданно. Тренер ушёл по каким-то своим обстоятельствам, и тренировать нас стало некому. Правда, потом, через несколько лет, он позвонил мне и предложил возобновить занятия. Рад, что он вернулся, но мне уже было не до биатлона, так как я, здраво поразмыслив, решил усиленно заняться учёбой. Да и данных у меня для биатлона, откровенно говоря, не было, чтобы рассчитывать на серьёзные успехи. Но спорт не отпускал.

После просмотров фильмов про Рэмбо все ломанулись качаться. Мне досталась штанга от друга отца килограммов на сорок и две гири по тридцать два килограмма. Одну пришлось тащить из спортивного магазина лично. Собрав сэкономленные деньги, поехал за ней и купил. Тащить её десять минут в рюкзаке — терпимо, но тридцать пять минут до моего дома было кошмаром. Но я был доволен, так как грезил мышцами хотя бы как у Рэмбо. Не сложилось, но в целом окреп и фигуру поправил.

И, конечно, вместе с культуризмом к нам ворвались боевые единоборства, особую роль в рекламе которых сыграл кинофильм про Шаолинь, где пара монахов могла легко раскидать целое войско.

Какие же наивные мы были!

Глава 4. Летние каникулы

Это время ждали все школьники и студенты нашей люби-

мой страны. Летние каникулы были самым продолжительным временем отдыха для всех учащихся. Их наступление было связано с тёплым временем года, пионерскими лагерями либо поездками к бабушкам и дедушкам в деревню.

Дорога в деревню начиналась с такси до вокзала. Отец почему-то всегда нервничал, мама суежилась, а мне это все передавалось камертоном, но больше всего печалила мысль, что через пару недель родители уедут, а я останусь там один.

В детстве связь с родителями особая, любое их долгое отсутствие влекло грусть и тоску. Может я один такой неправильный, но что было – то было. Со временем это чувство стало проходить, а после армии ушло окончательно.

Но сейчас садимся в такси – жёлтую машину марки «Волга» и лихой водила помчит нас к Павелецкому вокзалу.

Кстати, такси в то время по телефону не вызывать. Выходили на дорогу и «ловили» такси с зелёным огоньком под крышей – свободна значит.

Поймав такси, отец подъезжал за нами к подъезду, где мы с рюкзаками стояли наготове. Чемоданов на колёсах, как сейчас, тогда не было, поэтому всё размещалось в рюкзаки. Правды ради, чемоданы всё-таки водились, но они были небольшие, прямоугольного ношения, с ручкой и твёрдые, как дерево. Подходили только для коротких командировок, а тут надо было и вещей засунуть, и колбасы, и всё необходимое, что запрашивали из деревни письмами и телеграммами. И конечно бралась сумка с едой в дорогу. Как правило,

это была курица, картошка в мундире, варёные яйца, соль, хлеб и лимонад.

Путешествие начиналось вечером ввиду того, что наш поезд по-другому не ходил, а пересадка на станции Волово была где-то в два или три часа ночи.

Сев в машину, мы полностью полагались на мастерство водителя, так как карта проезда к тому или иному месту была исключительно в его голове. И каждый раз почти все таксисты везли нас «в Крым через Рим». Вероятно, что так счётчик больше денег накручивал, но может я многое подзабыл и поэтому заранее извиняюсь.

Родители меня всегда серьёзно настраивали, что надо будет встать раньше обычного, а я недоумевал – неужели я скажу: «Не, не буду вставать, останусь в вагоне до утра». Но детские мысли: «А вдруг забудут меня, они же взрослые бывают такими странными», не оставляла, заставляя нервничать и активировать режим повышенной готовности.

На вокзале всегда суета и толкотня. Проверок вещей тогда ещё не было, но и без этого толкотни и суеты хватало. Всегда удивляло, как это некоторые мужики умудряются напиваться прямо на вокзале (пивная всегда была рядом, слева от вокзала). Видимо железнодорожное перемещение, давало повод «принять на грудь анестезию» с оправданием совести на все сто процентов. Но папа не пил в такие моменты никогда.

Подходим к нашему вагону и вот она – проводница. Она и улыбающаяся дородная женщина, и строгая учительница,

и собеседник, и крупье, и ФСБ в одном флаконе. Олд скул, если одним словом. Проверяет паспорт, билет и запускает в вагон. Шагаем занимать своё купе, если повезло с покупкой билетов, или плацкарт, если не повезло. Как правило, везло. Находим своё купе и либо включается режим знакомства, либо ожидания соседей. Несмотря на то, что места у всех свои, занять купе первым было необходимо, чтобы никто не покушался на ваш рундук (багажный отсек под сидением) и сидеть вдвоём внизу у окна. Места наши были сверху и внизу. Кушать и смотреть в окно приятно было снизу, а вот спать я любил наверху, одной рукой держась за ручку, чтобы ненароком не упасть с верхней полки.

За столько лет попутчиков было много, но особенно запомнилась семейная пара из Таллина, ехали навестить родителей, и мужчина с дочкой из Тамбовской области, которые посмотрев Москву возвращались домой.

Семейная пара из Таллина рассказывала об особенностях жизни в Эстонии и от них прям «тянуло» Европой, хоть все это было одним Союзом Советских Социалистических Республик и Европу я, конечно же, не видел. Но, что-то было в них такое аккуратное, размеренное и спокойное, при этом, что-то восторженное и аккуратное. Это было и в общении, и в вещах.

Увидев мой изумлённый взгляд на Таллинские жвачки, молодой мужчина любезно вручил мне целую пачку (5 шт.). Я был на седьмом небе от счастья. Не скажу, что это были са-

мые вкусные жвачки в моей жизни и напоминали они наши апельсиновые от фабрики «Рот Фронт», но больше таких я не встречал никогда. А фантики я, как и все остальные дети моего времени, собирал аккуратно в коробочку. Чего в ней только не было: и Лёлик с Боликом, и Астерикс с Обеликом, и Педро, и разные виды Стрелок и Коняшек, и серии с Рексом. Жаль, матушка всё это куда-то дела.

А вот мужчина из Тамбовской области был явно разочарован Москвой. Рассказывал, как его маленькая дочка попросила разрешения искупаться на Чистых прудах, но посмотрев на воду, он конечно же, отказал. И это можно понять. Но сам факт, что Чистыми прудами называются пруды, в которых нельзя купаться, вызывала в нем болезненное недопонимание того, что происходит с этим городом.

Вагоны дружно «крякнули», что-то заскрежетало и мы медленно тронулись в путь. Дальше все как по расписанию – два часа у окна глазел на мелькающие деревья и кусты, переезды и прочую архитектуру. Затем, проводница предлагала чай. Мы сели ужинать на газетке. Раздавалось той же проводницей белье и все готовились ко сну, занимая места согласно купленным билетам.

Самым «забавным» в вагоне был туалет, так как сходить в нём даже по-маленькому было непросто. Качало так, будто ты сел на качели и тебе нужно справить нужду, не сходя с них. Но, как говорится, если приспичит, сходишь и так.

Кстати, проводница заботливо, заранее всех будила, что-

бы пассажиры не проехали свою станцию назначения. Нас будили, где-то в два часа ночи, то есть за полчаса до прибытия к нашей станции Волово. Собирались мы с батей поспартански, напоминая десантников, готовых к высадке во вражеском тылу. Зачем, почему? Я до сих пор не понимаю, к чему была такая нервозность, но за пятнадцать минут до остановки, мы уже дежурили с рюкзаками в тамбуре вагона, слушая все его «сказочные трели» и вдыхая аромат сигаретного дыма. Я, конечно, тогда не курил, но папа не отказывал себе в такие минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.